
УДК 81' 246. 2
ББК 81. 001. 91
Н 27

Напцок М.Р.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Адыгейского государственного университета, bella@maykop.ru

**Русская литературная личность в условиях эмиграции:
языковой феномен В. Набокова
(Рецензирована)**

Аннотация:

Рассматривается проблема русской литературной личности, оказавшейся в поликультурном пространстве эмиграции. Осуществляются лингвистическая идентификация творческой личности и анализ особенностей уникального языкового сознания, определяющего феномен билинговокультурного дискурса русско-американского писателя Владимира Набокова.

Ключевые слова:

Языковая личность, русская литературная личность, эмиграция, языковое сознание, билинговокультурный дискурс.

Naptsok M.R.

Candidate of Philology, Associate Professor of General Linguistics Department, the Adyghe State University, e-mail: bella@maykop.ru

**The Russian literary person in the conditions of emigration:
V.Nabokov's language phenomenon**

Abstract:

The paper addresses the problem of the Russian literary person in multicultural space of emigration. The aim is to undertake an attempt of linguistic identification of the creative person and to reveal features of the unique language consciousness, defining a phenomenon of a bilingual-cultural discourse of Russian-American writer Vladimir Nabokov.

Keywords:

The language person, the Russian literary person, emigration, language consciousness, a bilingual-cultural discourse.

Понятие языковой личности широко используется в современной науке, являясь одной из основополагающих категорий антропоцентрической лингвистики. Разработка этого понятия была начата в фундаментальных трудах В.В. Виноградова, а затем продолжена в исследованиях Ю.Н. Караулова, Г.И. Богина, И.Я.

Чернухиной, В.П.Нерознака, К.Ф. Седова, В.И. Карасика, В.И. Тхорика, А.А. Воробитовой, В.В.Наумова и других ученых. Согласно традиции, под *языковой личностью* подразумевается «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использо-

вания в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире». «В самом содержании термина «языковая личность», – отмечает Ю.Н. Караулов, – содержится идея получения – на основе анализа «языка» (а точнее, текстов) выводного знания о «личности»: а) как индивидууме и авторе этих текстов, со своим характером, интересами, социальными и психологическими предпочтениями и установками; б) как типовом представителе данной языковой общности и более узкого входящего в нее речевого коллектива, совокупном или усредненном носителе данного языка; в) как представителе человеческого рода, неотъемлемым свойством которого является использование знаковых систем всего естественного языка» [1: 671].

Развивающаяся теория языковой личности требует построения типологической классификации языковых личностей. В.П. Нерознак, в частности, выделяет два основных типа – стандартную и нестандартную языковые личности, последняя из которых включает личности креативную и маргинальную [2: 114]. Под креативными языковыми личностями при этом подразумеваются писатели, мастера художественной речи. А.А. Ворожбитова предлагает другой термин для обозначения языковой личности «применительно к сфере литературно-художественной коммуникации» – *литературная личность*, которая определяется как «художник слова», являющийся «сильной языковой личностью, то есть обладающей – интуитивно или осознанно – высокой лингвориторической компетенцией» [3: 299, 300].

Несомненную актуальность для создания теории литературной личности приобретает исследование ее параметров, в том числе национальной составляющей. Особый интерес представляет рассмотрение литературной личности, оказавшейся в условиях эмиграции и вынуж-

денной существовать в чуждом языковом окружении. В этом смысле весьма показательными являются примеры русских писателей-эмигрантов.

По словам Н.И. Голубевой-Монаткиной, «Русское Зарубежье» – «это крупный историко-культурный феномен XX в.», оставивший после себя «внушительное культурное наследие». «Русские эмигранты считали своей миссией сохранить ценности и традиции русской культуры», что проявилось также в «неустанном внимании к русскому языку в условиях иноязычного окружения» [4: 8]. Наиболее важную роль в этом играли авторы русского зарубежья, ставившие «перед собой цель сохранить язык, ориентированный на русскую классику» [5: 126]. Уникальный случай литературной личности, оказавшейся в условиях поликультурного пространства, представляет В.В.Набоков – писатель, «достигший мастерства, создавший персональный стиль и своеобразный ритм на двух разных языках» [6: 99] – русском и английском.

Приступая к исследованию языкового феномена В.В. Набокова, следует отметить, что в качестве важнейшей характеристики языковой личности выступает языковое сознание, специфические особенности которого формируют индивидуальное своеобразие дискурса творческой личности. Понятие языкового сознания сближается «с такими понятиями, как языковая картина мира, стратегия и тактика речевого поведения» и «реализуется в речевом поведении». Поэтому, как подчеркивает С.Е.Никитина, «говоря о языковом сознании личности, мы должны иметь в виду те особенности речевого поведения индивидуума, которые определяются коммуникативной ситуацией, его языковым и культурным статусом, социальной принадлежностью, полом, возрастом, психическим типом, мировоззрением, особенностями биографии и другими константными и переменными параметрами личности» [7: 34].

По словам В.Г. Борботько, «языковое сознание – лингвокультурный компонент сознания, противостоящий сенсорно-модальному образу мира», иначе говоря, это «ценностно ориентированный образ мира, определенный языковыми формами», «*вторая* ступень отражения реальности, на которой перцептивные образы приобретают языковое представление» [8: 86, 286, 60].

Учитывая отмеченные современными исследователями особенности языкового сознания, мы предлагаем определить *языковое сознание личности* как специфическую, свойственную данной личности форму отражения действительности, способ ее отношения к миру и самой себе, обуславливающий характерные особенности языка, а также индивидуальные языкотворческие мотивы и принципы личности. У литературной личности наряду с *обыденным* развито *индивидуальное* (уникальное) языковое сознание. Под первым подразумевается языковое сознание, стремящееся к традиции, к объективным нормам языка, сложившимся в обществе. Второе предполагает тяготение к необычным, субъективированным формам речи, в том числе ориентацию на словотворчество, что связано с необходимостью расширения художественного пространства, создаваемого литературной личностью.

Установление специфики дискурса литературной личности требует выделения, с одной стороны, особенностей, характерных для обыденного языкового мировосприятия, а с другой – элементов идиостиля, связанных с уникальным языковым сознанием.

Необычная многомерность языкового сознания В. Набокова проистекала из особенностей мультиязычного воспитания. Писатель в одинаковой степени хорошо владел русским, английским и французским языками, которые окружали его с детства вместе с родителями, английскими и французскими няньками, гувернантками и учителями, а также мно-

гочисленными разноязычными книгами «... я был совершенно обычным трехязычным ребенком в семье с большой библиотекой», - говорил о себе В.Набоков [9: 154]. Он прекрасно писал на каждом из известных ему языков, но ведущими в его творчестве стали русский и английский языки.

Кроме того, писатель был наделен природным острым ощущением цвета, так называемым «цветовым слухом» - видел буквы в цвете, при этом каждая буква обладала для него «зрительным узором». В мемуары «Другие берега» включена «исповедь синэстета» - своеобразный ключ к пониманию набоковского дара. Этот феномен рассматривает автор монографии «Чужой язык», посвященной двуязычным русским писателям, Элизабет Костли Божур, которая, «опираясь на наблюдения нейропсихологов, именно с двуязычием маленького Набокова связывает эту остроту восприятия и эту «синэстезию». Двуязычный (и трехязычный) ребенок вообще, по наблюдениям психологов, весьма чувствительное и не вполне обычное существо» [10: 47].

В. Набокову не раз задавали вопрос, на каком языке он думает. Писатель всегда отвечал, что думает образами. Мышление образами как специфическая особенность естественного билингва – не вербальное, ибо «образы всегда бессловесны», но далее следует вербализация образов, и, по словам Набокова, «вдруг немое кино начинает говорить, и я распознаю его язык» [9: 418].

Оторванный от русской среды, В. Набоков испытывал недостаток в ресурсах русской речи и в своем творчестве ориентировался на исконную классическую форму языка, нашедшую отражение в словаре Даля. Поэтому особенностью набоковского дискурса является использование устаревших, вышедших из употребления в «метрополии» русского языка слов и откровенное пренебрежение к советскому языку – языку тоталитарного государства.

литаризма, с которым был знаком писатель, интересовавшийся опусами советской литературы. При этом В. Набоков создавал свой виртуозный, нестандартный язык, раскрывая многообразные потенциальные возможности русского языка посредством оригинальной словесной игры и словотворчества. Кроме того, полилингвизм В. Набокова, являясь важной особенностью языкового сознания писателя, определял его тяготение к необычным, субъективированным формам речи, языковым эффектам и модернистским экспериментам над словом.

Особое отношение В. Набокова к языку характеризует М. Шульман: «Язык есть единственно важный элемент великого произведения. Именно языку, в формах почти грамматических, Набоков хранит верность, ни капли при этом не увлекаясь внешним антуражем русской литературы, привезенным ли с европейских барачных или стачанных на дому. Ценность писателя определяется не фактурой изображенных событий и т. п. внелитературных компонентов, – а качеством языка, тем достоинством речи, каким произведение искусства в конечном счете важно» [11: 101].

В.В. Наумов в исследовании, посвященном лингвистической идентификации личности, утверждает, что, «по большому счету, родным все-таки может быть один язык, поскольку языковое сознание индивида не может вместить в одинаковой мере две разных языковых системы». При этом «второй, неродной, язык билингва должен жестче контролироваться мышлением, которое рано или поздно может дать сбой». В то же время исследователь отмечает «еще одно обстоятельство, имеющее прямое отношение к взаимодействию национальной и социальной составляющих в определении роли и значимости языка для билингва», – «престижность языка»: «Если статус одного из языков по независящим от индивида причинам изменяется, и он становится менее престижным, переориентация билингва на второй неизбеж-

на. Препятствием здесь не является даже национальное самосознание» [12: 85, 86]. Подобная ситуация складывается и в жизни В. Набокова.

Переехав в Америку, В. Набоков с 1940-х годов пишет по-английски. Лингвистически, по его собственному признанию, переход на новый язык был не очень тяжелым, но эмоционально он оказался мучительным для писателя. «Моя личная трагедия, которая не может, которая не должна быть чьей-либо еще заботой, – говорит Набоков, – состоит в том, что мне пришлось оставить свой родной язык, родное наречие, мой богатый, бесконечно богатый и послушный русский язык, ради второсортного английского» [9: 122].

Координативный полилингвизм, свойственный Набокову, – это многоязычие, при котором нет доминирующего языка, однако каждому из знакомых языков писатель отводит определенную роль в своей творческой жизни: «Моя голова – английский, мое сердце – русский, мое ухо предпочитает французский» [9: 162]. Вот более развернутое объяснение отношений с языками, которое дает Набоков в телеинтервью 1975 г.: «Язык моих предков и по сейчас остается тем языком, где я полностью чувствую себя дома. Но я никогда не стану жалеть о своей американской метаморфозе. Французский же язык, а точнее – мой французский, ибо это уже нечто особенное, никак не желает покориться терзаниям и попыткам моего воображения. Его синтаксис не позволяет мне вольностей, которые самым естественным образом возникают на двух других языках.

Я, само собой разумеется, обожаю русский язык, однако английский превосходит его в рассуждении удобства — в качестве рабочего инструмента. Он изобильней, богаче своими нюансами и в сновиденческой прозе, и в точности политической лексики» [9: 394].

Безусловно, многоязычный писатель – неординарная литературная личность, преимуществом которой, по сло-

вам В. Набокова, является возможность «передать точный нюанс, переключаясь с языка на язык, с английского, на котором я сейчас говорю, на взрывной французский или мягко шуршащий русский». Однако есть и отрицательные стороны в творчестве автора, пишущего на нескольких языках. Среди них Набоков отмечает невозможность «следить за постоянно меняющимся сленгом», «отсутствие естественного словарного запаса» [9: 323, 226]. «Из двух инструментов, находящихся в моем распоряжении, один – мой родной язык – я уже не могу использовать, – говорит Набоков в интервью 1966 г., – и дело здесь не только в отсутствии русской читательской аудитории, но еще и в том, что напряженность литературной жизни в русской среде постепенно упала с тех пор, как я обратился к английскому в 1940 году. Мой английский, второй инструмент, которым я всегда обладал, негибкий, искусственный язык, может быть, и подходит для описания заката или насекомого, но не может не обнаружить синтаксической бедности и незнания местных средств выражения, когда мне нужна кратчайшая дорога между складом и магазином. Старый «роллс-ройс» не всегда предпочтителен обыкновенному джипу» [9: 226].

Несмотря на критическое отношение самого В. Набокова к собственному английскому, для представителей англоязычной культуры писатель стал непререкаемым авторитетом в области словесного искусства. Так, Джон Апдайк назвал Набокова «новым американским писателем и лучшим среди ныне живущих» [13: 579], а Энтони Бёрджесс определил его место в литературе следующим образом: «Англоязычный славянин поставил перед собой особую задачу – напомнить нам о великолепии нашего языка, сильно обедневшего благодаря стараниям пуритан и прагматиков» [13: 575].

Актуальность проблемы перевода «для писателя, стремившегося к подлин-

ной достоверности при передаче на чужой язык как собственных произведений, так и творений русских классиков», уже отмечались нами ранее [14: 77].

Перевод романа «Лолита» на русский язык стал для В. Набокова, в сущности, последним его русским произведением, на которое ушло два года напряженного труда. Автоперевод, как отмечают лингвисты и нейропсихологи, представляет особую трудность, поскольку разрушает в сознании билингва перегородки между языками, оберегающие психику писателя. Но «дело было еще и в том, что современный американский язык и американские жаргоны требовали от переводчика знания соответствующего русского языка, более или менее современных жаргонов. Даже если многие из слов, обозначающих американские реалии, имели в русском языке соответствующие эквиваленты, Набоков их знать не мог. К тому же многие лаконичные английские обороты не переводились на русский ни лаконично, ни достаточно точно. Психолингвисты утверждают, что равное знание двух языков мешает переводить, «нарушается языковое равновесие» [10: 505 - 506].

Поиски «языкового равновесия» в автопереводе романа «Лолита» приводят В. Набокова к созданию нового произведения, в котором языковые традиции русской классики переплетаются с американизированным русским языком. Так формируется уникальный билингвокультурный дискурс писателя.

Именно благодаря полилингвизму В. Набокова в его творчестве «различные национальные потоки, столкнувшись, образовали какую-то новую материю слова» [15: 315]. Как подчеркивал сам прозаик, «только Словом, только Глаголом измеряется реальная цена шедевра», и «из слов нужно извлекать все, что можно, коль скоро это единственное настоящее сокровище, которым обладает настоящий писатель» [9: 411, 412]. Поэто-

му В. Набоков так часто прибегает к играм, словотворчеству, являющимся не-слов, всевозможным литературным ребусам, каламбурам, иноязычным вкраплениям, словотворчеству, являющимся необходимой принадлежностью дискурсивной структуры набоковского текста.

Примечания:

1. Караулов Ю.Н. Языковая личность // Русский язык: Энциклопедия. М., 1998. С. 671-672.
2. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Сб науч. тр. Моск. гос. лингв. ун-та. Вып. № 426. Язык. Поэтика. Перевод. М., 1996. С. 112-116.
3. Ворожбитова А.А. Теория текста: Антропоцентрическое направление. М., 2005. 367 с.
4. Голубева-Монаткина Н.И. Эмигрантская русская речь // Русский язык зарубежья. М., 2001. С. 8-68.
5. Кожевникова Н.А. О языке художественной литературы русского зарубежья // Русский язык зарубежья. М., 2001. С. 119-287.
6. Шаховская З.А. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. 319 с.
7. Никитина С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность. М., 1989. С. 34-40.
8. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. М., 2007. 288 с.
9. Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе / Сост., коммент. Н.Г.Мельникова. М., 2002. 704 с.
10. Носик Б. Мир и дар Владимира Набокова. М., 1995. 552 с.
11. Шульман М. Ю. Набоков, писатель. М., 1998. 224 с.
12. Наумов В.В. Лингвистическая идентификация личности. М., 2007. 240 с.
13. Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе, пародии. М., 2000. 688 с.
14. Напцок М.Р. Дискурс В.Набокова: билингвизм и проблемы перевода // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2008. Вып. 6. С. 73-78.
15. Анастасьев Н.А. Феномен Набокова. М., 1992. 320 с.

References:

1. Karaulov Yu.N. Language personality // The Russian language: Encyclopaedia. M., 1998. P. 671-672.
2. Neroznak V.P. Linguistic personology: on the definition of discipline status // Collection of scientific works of Moscow State Linguistic University. Issue № 426. Language. Poetics. Translation. M., 1996. P. 112-116.
3. Vorozhbitova A.A. The theory of the text: Anthropocentric school. M., 2005. 367 pp.
4. Golubeva-Monatkina N.I. The Russian speech of emigrants // The Russian language abroad. M., 2001. P. 8-68.
5. Kozhevnikova N.A. On the language of Russian literature abroad // The Russian language abroad. M., 2001. P. 119-287.
6. Shakhovskaya Z.A. Searching for Nabokov. Reflections. M., 1991. 319 pp.
7. Nikitina S.E. Linguistic consciousness and person's self-consciousness in national

-
- culture // Language and personality. M., 1989. P. 34-40.
8. Borbotjko V.G. The principles of discourse formation: From psycholinguistics to linguo-synergetics. M., 2007. 288 pp.
 9. Nabokov about Nabokov and other things: Interviews, reviews, essays / Composed and commented by N.G. Melnikova. M., 2002. 704 pp.
 10. Nosik B. The world and the gift of Vladimir Nabokov. M., 1995. 552 pp.
 11. Shulman M.Yu. Nabokov as a writer. M., 1998. 224 pp.
 12. Naumov V.V. Linguistic identification of a person. M., 2007. 240 pp.
 13. Classic without retouching: Literary world on Vladimir Nabokov's works: Critical reviews, essays, parodies. M., 2000. 688 pp.
 14. Naptsook M.R. Nabokov's discourse: bilingualism and translation problems // The Bulletin of the Adyghe State University. Series Philology and the Arts. 2008. Issue 6. P. 73-78.
 15. Anastasjev N.A. Nabokov's phenomenon. M., 1992. 320 pp.